

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Холодное сердце. Часть первая, стр. 2

о богатых и о том, как к ним привалило богатство, нередко поминали они Стеклянного Человечка; да, хорошенько подумав, Петер смог восстановить в памяти почти весь стишок, который надо было произнести на Еловом Бугре, в самом сердце леса, чтобы Человечек появился. Стишок этот начинался словами:

Хранитель Клада в лесу густом!Средь елей зеленых таится твой дом.К тебе с надеждой всегда взывал...

Но сколько он ни напрягал память, последняя строка никак не шла ему на ум. Он уже подумывал, не спросить ли кого-нибудь из стариков, какими словами кончается заклинание, но его всегда удерживала боязнь выдать свои мысли; к тому же – так он считал – предание о Стеклянном Человечке знают немногие, стало быть, и заклинание мало кто помнит; у них в лесу богатые люди наперечет, да и отчего тогда его отец и другие бедняки не попытались счастья? Однажды он навел на разговор о Человечке свою мать, и она рассказала ему то, что он уже знал сам, она тоже помнила только первые строки заклинания, но под конец все же поведала сыну, что старичок-лесовичок показывается лишь тем, кто родился в воскресенье между одиннадцатью и двумя часами. Сам Петер, знай он заклинание, как раз и мог быть таким человеком, ибо он родился в воскресенье в половине двенадцатого.

Как только Петер услышал это, он чуть не спятил от радости и нетерпения поскорее осуществить свой замысел. Хватит и того, думал Петер, что он родился в воскресенье и знает часть заклинания. Стеклянный Человечек непременно ему явится. И вот однажды, продав свой уголь, он нового костра разжигать не стал, а надел отцовскую праздничную куртку, новые красные чулки и воскресную шляпу, взял можжевельный посох длиною в пять футов и сказал на прощанье: «Матушка, мне надо сходить в город, в окружную канцелярию, подходит срок тянуть жребий, кому из нас идти в солдаты, вот я и хочу напомнить начальнику, что вы вдова и я у вас единственный сын». Мать похвалила его за такое намерение, да только Петер отправился прямехонько на Еловый Бугор. Место это находится на высочайшей из шварцвальдских гор, на самой ее вершине, и в те времена на два часа пути вокруг не было не то что селения – ни одной хижины, ибо суеверные люди считали, что там нечисто. Да и лес, хоть и росли на Бугре прямо-таки исполинские ели, в тех местах валили неохотно: у дровосеков, когда они там работали, топор иной раз соскакивал с топорща и вонзался в ногу или деревья падали так быстро, что увлекали за собой людей и калечили их, а то и вовсе убивали, к тому же и самые прекрасные деревья из тех, что росли на Еловом Бугре, можно было пустить только на дрова, – плотовщики ни за что не взяли бы ни одного бревна оттуда в свой плот, ибо существовало поверье, что и люди и плоты гибнут, если с ними плывет хоть одно бревно с Елового Бугра. Вот почему на этом залятом месте деревья росли так густо и так высоко, что там и днем было темно, как ночью, и Петера Мунка стала пробирать дрожь, – он не слышал здесь ни человеческого голоса, ни чых-либо шагов, кроме своих собственных, ни стука топора; казалось, птицы и те не отваживаются залетать в густой мрак этой чащи.

Но вот Петер-угольщик взобрался на самый верх бугра и стоял теперь перед елью чудовищной толщины, за которую любой голландский корабельщик, не моргнув глазом, выложил бы сотню гульденов. «Здесь-то, наверное, и живет Хранитель Клада», – подумал Петер, снял свою воскресную шляпу, отвесил ели низкий поклон, откашлялся и дрожащим голосом проговорил:

– Добрый вечер, господин стекольный мастер!

Но ответа не последовало, вокруг царил такая же тишина, что и раньше. «Может быть, я все же должен сказать стишок?» – подумал Петер и пробормотал:

Хранитель Клада в лесу густом!Средь елей зеленых таится твой дом.К тебе с надеждой всегда взывал...

Когда он говорил эти слова, то, к великому своему ужасу, заметил, что из-за толстой ели выглядывает какая-то странная крохотная фигурка; ему показалось, что это и был Стеклянный Человечек, как его описывали: черная курточка, красные чулочки и шляпа, все было в точности так, Петеру почудилось даже, что он видит тонкое и умное личико, о котором ему случалось слышать. Но увы! Стеклянный Человечек исчез столь же мгновенно, как появился.

– Господин стекольный мастер! – немного помедлив, позвал Петер Мунк. – Будьте так добры, не дурачьте меня!.. Господин стекольный мастер, если вы думаете, что я вас не видел, то изволите очень ошибаться, я заметил, как вы выглядывали из-за дерева.

Но ответа все не было, лишь иногда из-за ели Петеру слышался легкий хриплый смехок. Наконец нетерпение пересилило страх, который до сих пор еще удерживал его. «Погоди, малыш, – крикнул он, – я тебя мигом сцапаю!» Одним прыжком достиг он толстой ели, но никакого Хранителя Клада там не было и в помине, только крохотная пригожая белочка взбегала вверх по стволу.

Петер Мунк покачал головой: он понял, что дело ему почти удалось, вспомнить бы только еще одну-единственную строчку заклинания, и Стеклянный Человечек предстанет перед ним, но, сколько он ни думал, сколько ни старался, все было тщетно. На нижних ветвях ели снова появилась белочка, казалось, она подзадоривает его или смеется над ним. Она умывалась, помахивала своим роскошным хвостом и глядела на него умными глазами; но под конец ему даже стало страшно наедине с этим зверьком, ибо у белки то вдруг оказывалась человеческая голова в треугольной шляпе, то она была совсем как обыкновенная белка, только на задних лапках у нее виднелись красные чулки и черные башмаки. Короче говоря, забавный это был зверек, однако у Петера-угольщика душа теперь совсем ушла в пятки, – он понял, что дело тут не чисто.

Обратно Петер мчался еще быстрее, чем шел сюда. Тьма в лесу, казалось, делалась все непроглядней, деревья – все гуще, и страх охватил Петера с такой силой, что он пустился бежать со всех ног. И только заслышав вдали лай собак и вскоре после того завидев меж деревьев дымок первого дома, он немного успокоился. Но когда он подошел поближе, то понял, что с перепугу побежал не в ту сторону и вместо того, чтобы прийти к стекловарам, пришел к плотовщикам. В том доме жили дровосеки: старик, его сын – глава семьи, и несколько взрослых внуков. Петера-угольщика, попросившегося к ним на ночлег, они приняли радушно, не любопытствуя ни как его звать, ни где он живет; угостили яблочным вином, а вечером поставили на стол жареного глухаря, любимое кушанье шварцвальдцев.

После ужина хозяйка и ее дочери уселись за прялки вокруг большой лучины, которую сыновья разожгли с помощью превосходной еловой смолы; дед, гость и хозяин дома курили и смотрели на работающих женщин, парни же занялись вырезыванием из дерева ложек и вилок. В лесу тем временем разыгралась буря, ветер выл и свистел среди елей, то тут, то там слышались сильные удары, порой казалось, будто с треском валятся целые деревья. Бесстрашные юноши хотели выбежать, чтобы понаблюдать вблизи это грозно-прекрасное зрелище, но дед остановил их строгим взглядом и окриком.

– Никому бы я не посоветовал выходить сейчас за дверь, – сказал он, – как бог свят, кто б ни вышел, назад не вернется, ведь нынешней ночью Голландец Михель рубит себе деревья для нового плота.

Младшие внуки вытаращили глазенки: они и раньше слышали о Голландце Михеле, но теперь попросили дедушку рассказать о нем поподробнее; да и Петер Мунк присоединил к ним свой голос, – в его краях о Голландце Михеле рассказывали очень туманно, – и спросил у старика, кто такой этот Михель и где обитает.

– Он хозяин здешнего леса, и ежели вы в ваши годы еще об этом не слыхивали, значит, живете вы за Еловым Бугром, а то и дальше. Так уж и быть, расскажу я вам о Голландце Михеле, что знаю сам и что гласит предание. Тому назад лет сто, – так по крайней мере рассказывал мой дед, – на всем свете не было народа честнее шварцвальдцев. Теперь, когда в нашем краю завелось столько денег, люди стали дурными и бессовестными. Молодые парни по воскресеньям пляшут, горланят песни и сквернословят, да так, что оторопь берет; но в те времена все было по-иному, и пусть бы он сам заглянул сейчас вон в то окно, я все равно скажу, как говорил

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) >> [Дальше](#)